

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР ЯКУТОВ

Слайд 1

Носители якутского фольклора — исполнители-рассказчики — именуют предания, легенды и мифы общим названием хэпсээн (кэпсэх, сэбэн) — рассказ (предание). Если сказка воспринималась как вымысел, то предания, легенды и мифы осознавались как реальность. Якутская пословица говорит "кэпсээн эбилээх, олонхо омуннаах, ырыа дорҕоонноох" — "рассказ (предание) — с прибавлением, олонхо — с преувеличением, песня — с созвучием". Так метко характеризует народная мудрость различие жанров фольклора.

Еще с конца XVII в. путешественники и исследователи обращаются к преданиям и мифам якутов как к достоверному свидетельству их этнической истории, образа жизни и быта. Западно-европейский купец Исбрандт Идес, ездивший по поручению русского правительства в 1692 — 1695 гг. в Китай через Южную Сибирь и Даурию, впервые высказал гипотезу о южном происхождении якутов, описал их быт и весенний кумысный праздник. Филипп Страленберг, шведский офицер, пробывший в Сибирской ссылке тринадцать лет и установивший родство якутского языка с языком тюркских народов, был знаком с преданиями об Эр Соготох Эллэе и Тыгыне [38, с 14 — 22]. Первые подробные материалы об исторических преданиях оставили участники Второй Камчатской (Великой Северной) экспедиции Г. Миллер, И. Фишер и Я.И. Линденау. Г. Миллер предания якутов называет "исторической повестью": "Сия повесть есть, подлинно, не без основания". Сочинение Я.И. Линденау, где более подробно пересказываются предания о первопредках и родоначальниках якутов, увидело свет спустя 240 лет в Магаданском книжном издательстве. Исторические предания и мифы якутов привлекли особенное внимание русских исследователей после путешествия академика А.Ф. Миддендорфа на северо-восток Сибири и выхода книги О.Н. Бётлингга "О языке якутов". Большой вклад в дело собирания, систематизации и исследования якутских мифов и преданий внесли политические ссыльные: И.А. Худяков, В.Л. Серошевский, В.Ф. Троцанский, В.М. Ионов, Э.К. Пекарский.

Слайд 2

Собиранием и изучением преданий, легенд и мифов начали свою научную деятельность первые ученые из якутов — А.Е. Кулаковский, С.А. Новгородов и Г.В. Ксенофонтов. А.Е. Кулаковский опубликовал большое количество мифов и легенд в известной своей работе "Материалы для изучения верований якутов" и собирал предания о родоначальниках. С.А. Новгородов включил I мифы и предания в составленную им первую учебную хрестоматию на якутском языке Г.В. Ксенофонтов в 20-е гг. совершил экспедиционные поездки по центральным, вилюйским и северо-западным улусам Якутии.

Собранные им огромные материалы легли в основу его книг "Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов" (1928), "Ураангхай-сахалар" (1937) и "Эллэйада.

Материалы по мифологии и легендарной истории якутов" (1977). Крупным собирателем исторического фольклора был С.И. Боло, составитель сборника "Прошлое якутов до прихода русских на Лену" (1938).

В течение многих лет собиранием преданий и легенд плодотворно занимались А.А Саввин, А.С. Порядин, В.Н. Дмитриев, П.Т. Степанов, Г.М. Васильев, И.Г. Берёзкин, Н.Т. Степанов, Г.Е. Федоров.

Г.У. Эргисом в 60-х г. было осуществлено двухтомное издание "Исторические предания и рассказы якутов". Написанная им большая статья о якутских преданиях и устных рассказах является первым специальным исследованием на эту тему.

Слайд 3

А.П. Окладников, И.С. Гурвич, З.В. Гоголев, Г.П. Башарин, Ф.Г. Сафронов, Г.У. Эргис, П.П. Барашков, И.В. Константинов в своих исследованиях широко использовали исторические предания и легенды. Это, несомненно, способствовало более глубокому пониманию смысла и содержания отдельных фольклорных произведений.

Основные вехи становления и развития якутского этноса отражены в трех циклах исторических преданий: о первопредках Омогое Баае (Омогон, Онохой) и Эллэе Боотуре, прибывших с южной прародины на среднюю Лену; о Тыгыне Тойоне и других родоначальниках эпохи развития и начала разложения патриархально-родовых отношений в XVII — XVIII вв.; о Василии Манчаары (XIX в.), стихийном бунтаре, открыто выступившем против несправедливости и произвола родоначальников и богачей.

Одну из первых и полных записей преданий об Омогое Баае и Эллэе Боотуре произвел в начале 40-х г. XVIII в. участник Второй Камчатской (Великой Северной) экспедиции Я.И. Линденау. По его записи, Омогой и Эллэй жили на верховьях р. Лены, где теперь территория Иркутской области. Он даже видел долину Кёбюёлор в верховьях р. Лены, где обитали первопредки якутов, и место, называемое "Якутский извоз". "Кёбюёлор" — слово якутское, обозначающее "возвышать голос". Я.И. Линденау записал и бурятские предания о том, как якуты жили в этих местах, и как с верховьев Лены на среднюю Лену прибыл со своими людьми Тойон Баджей, потомок Омогоя и Эллэя.

Впоследствии в преданиях, зафиксированных с 40-х г. XIX столетия, мотив о жизни первопредков якутов в верховьях Лены исчезает и заменяется мотивом о переселении их на среднюю Лену. Таким образом, за какие-нибудь 100 лет произошла трансформация преданий о месте жительства первопредков. Причина, видимо, в том, что в процессе развития этнического самосознания в новых условиях древняя версия была соответствующим образом переосмыслена.

В преданиях, записанных с 40-х гг. XIX в. до настоящего времени, часто встречается рассказ о том, что Омогой Баай пришел в долину средней Лены по совету ясновидящего шамана и по желанию духов-хозяев этой страны. Прибытие Омогоя с радостью встречают божества— покровители людей и скота Иэйэхсит и Айыысыт, которые помогают ему найти кобылу и стельную корову. Возможно, за этим

мифологическим мотивом стоит народная память о приручении домашних животных. Исследователь северного коневодства проф. М.Ф. Габышев допускает, что якуты в древности одомашнивали диких лошадей, обитавших на северо-востоке Якутии. А сам факт существования диких лошадей на древнем северо-востоке подтверждается последними находками якутских палеонтологов.

Слайд 4

Предания рисуют Омогоя и Эллэя пришельцами на средней Лене, в них исключается происхождение первопредков якутов от аборигенов этого края. И.В. Константинов справедливо заметил, что мотив прихода данных персонажей преданий из дальних стран нельзя считать случайным, скорее всего это свидетельствует о живых еще представлениях якутов о себе как о народе пришлом. Можно считать, что исследователи не расходятся в вопросе южного происхождения якутов, обосновывая это обширным археологическим, фольклорным, языковым и историко-этнографическим материалом. Их разногласия состоят в определении путей формирования этого народа.

Фольклорные образы Омогоя и Эллэя близки к мифологическим образам гонимых героев, впоследствии становящихся родоначальниками племен. Эллэй, согласно преданиям, прибыл на среднюю Лену из Прибайкалья, Уранхайской земли, из Монголии, от татар; или вовсе не указывается, откуда он был родом. Повествуется, что он является выходцем из братского или батулинского племени. На наш взгляд, в таком разнообразии представлений народа о своих первопредках нашел косвенное отражение сложный племенной состав населения Прибайкалья, часть которого вошла в состав предков якутской народности.

Причиной переселения Омогоя и Эллэя на среднюю Лену предания называют межродовые стычки, что также не лишено исторического обоснования. А.П. Окладников писал, что в X — XI вв. в Ангаро-Ленский район вторглись монголоязычные племена и вытеснили курыкан на север, на среднюю Лену.

После прибытия к Омогою Эллэй становится у него работником. По сути он стал рабом, трудился безвозмездно, ничего не имея из имущества и орудий труда. Такова была жизнь и других рабов Омогоя. Их имущественное и бытовое положение действительно отражало основные черты родоплеменных отношений с элементами патриархального рабства, которые были еще отчетливо заметны в жизни якутов XVII в.

Патриархально-родовой уклад жизни якутов времени прихода их на среднюю Лену объясняет социальное положение самого Омогоя Баая. Он, прежде всего, патриарх и глава большой родовой семьи. Эпитет "баай" (богач) не столько характеризует его богатство, сколько служит художественно-образительным средством его идеализации, подчеркивая мощь и власть главы рода. Рабы, живя вместе с хозяевами и работая на них, составляют одну общую родовую семью. В преданиях отразились особенности семейно-брачных отношений той эпохи. В женитьбе на дочери Омогоя пришельца Эллэя, выходца из другого племени, нельзя

не заметить следов экзогамии, одного из характерных признаков родовой организации.

Когда Омогой Баай, рассердившись на то, что Эллэй женился на его нелюбимой дочери, прогнал их обоих из своего дома, отдав им в приданое одну кобылу и одну паршивую рыжую корову, образовалась малая семья. Во взаимоотношениях семей Омогоя и Эллэя вырисовывается картина начального этапа развития малой семьи и конфликт между двумя типами семьи родовой общины.

Растущая борьба за самостоятельность малой семьи велась в сфере имущественных отношений. Это также можно проследить по преданиям данного цикла. Так, Эллэй оставлял у себя не отходивших от разведенного им дымокура лошадей и коров Омогоя и распоряжался ими как своим богатством. Продукты, получаемые от них, он использовал для приготовления кумысного праздника ысыах. Видимо, по установившимся традициям общинного владения Омогой не мог пригнать обратно свой скот и отнять продукты у Эллэя.

Малая семья Эллэя постепенно усиливается в экономическом отношении, авторитет Эллэя среди сородичей растет. "Эллей, говорят, всякому дом даёт, даёт женщину, даёт скот и посуду», а у старого Онохоя ты всю жизнь работник", — такие разговоры вели рабы. Однако по содержанию цикла преданий можно заключить, что родовая связь оставалась еще крепкой. Делясь охотничьей добычей, две семьи жили дружно. В книге В. Серошевского Эллэй, возвратившись с охоты, все добытое отдал Онохою, который за это поблагодарил его [Там же].

Эллэй — прародитель с функциями мифологического культурного героя. Омогой и его сородичи "были простоватыми людьми", жили в земляной юрте без печки и дымовой трубы, не знали орудий промысла, кузнечного ремесла, благословений, песен. Эллэй был кузнецом и плотником. Он поставил печь с дымовой трубой, пробил в доме окно и сделал дверь, смастерил орудия для рыбной ловли и охоты на зверей, соорудил загоны и постройки для скота и развел дымокур от гнуса, изготовил божественный напиток кумыс

Эллэй не только изобретатель и создатель материальной культуры якутов, но и первый устроитель весеннего кумысного праздника ысыах, первый служитель религии якутов, обратившийся с молением к высшим божествам. Современные якуты считают, что ежегодный ысыах празднуется по традициям, установленным прапредком Эллэем

Консервативный патриарх Омогой Баай не понимает новшеств Эллэя. Он приезжает на ысыах, устроенный Эллэем, по одним преданиям, только после третьего приглашения и, испугавшись чудесных явлений, вызванных силой благословения Эллэя, убегает домой. По другим вариантам он и его жена падают замертво или возносятся на небо. Хотя в преданиях прямо не говорится о том, что божества, которым поклонялся Эллэй, были чужды Омогою Бааю, но он умирает от их кары за неуважение к ысыаху, устроенному в честь божеств айыы.

Эллэй — любимец и избранник божеств айыы. Он даже является прямым потомком, сыном верховного божества Юрюнг Айыы Тойона, или Эллэй предназначен божествами быть устроителем жизни, установителем порядка на Средней земле.

Во многих преданиях первым шаманом — служителем божеств айыы назван старший сын Эллэя Намылга (Лабынгха) Силик (Сюрюк). Он произносит благословение на первом ысыахе и тут же возносится на небо. Иногда ему приписывается функция культурного героя и шамана айыы.

Сюжетное развитие преданий о первопредках перекликается с сюжетами героического эпоса олонхо о заселении Среднего мира отверженными потомками верховных божеств айыы. В олонхо этого типа из Верхнего мира в Средний божества спускают своих в чем-то провинившихся отверженных потомков, а в преданиях на средней Лене поселяются изгнанники, оторвавшиеся от своего племени. Героев олонхо, отвергнутых божеством, воспитывают и оказывают им покровительство духи-хозяева эпической страны. Первопредки якутов переселяются по желанию духов-хозяев в долину Туймаада, где теперь стоит г. Якутск.

Сюжеты олонхо строятся на конфликте героев, принадлежащих к одному и тому же племени айыы аймага (эпическое самоназвание якутов). В олонхо положительным героем выступает отверженный потомок божеств айыы — "пришелец" — зять, а в преданиях — Эллэй Боотур, пришелец, принятый в семью Омогоя. В сказаниях об отверженных потомках божеств айыы мотив героического сватовства почти отсутствует, преобладает тематика чудесного сватовства.

Главным героем олонхо об отверженных потомках божеств айыы выступает богатырь по имени Сын лошади Дыырай Бёгё (Бэргэн). В основу сюжетной темы о богатыре — Сыне лошади лег древнейший миф о том, что "сначала бог сотворил коня, от него произошел полуконь-получеловек, а уж от последнего родился человек". Этот миф в более цельном виде сохранен в сюжете долганского олонхо "Сын лошади Аталами Бухатыыр". А имени легендарного Эллэя с его постоянными эпитетами "Эрэйдээх-Буруйдаах Эр Соготох" (Многострадальный Муж Одинокый) соответствует имя героя многих олонхо Эрэйдээх-Буруйдаах Эр Соготоха, Богатыря-родоначальника племени ураангхай саха. В олонхо Г.Ф. Никулина "Эр Соготох" главный персонаж наделен функциями культурного героя. Он, первый житель Среднего мира, каменным топором строит себе дом, добывает огонь, выпрашивает у божеств скот и устраивает праздник ысыах. Все деяния богатыря соответствуют культурной деятельности Эллэя. Е.М. Мелетинский отмечает, что по сравнению с олонхо об Эр Соготохе в исторических преданиях об Эллэе более отчетливо сохранены черты мифа о культурном герое, и объясняет это спецификой идеализации героев в героическом эпосе и преданиях.

Таким образом, самый древний период истории якутского этноса получает отражение и в героическом эпосе олонхо, и в исторических преданиях, трансформируясь в соответствии с их жанровой природой. В отличие от этих преданий о первопредках, в цикле преданий о Тыгыне (Дыгыне) Тойоне и других родоначальниках слышны отзвуки иного, более высокого этапа общественного развития якутского народа.

Тыгын — реальная личность, имя Тыгын встречается в исторических документах XVII в. О нем в народе сложено много рассказов и преданий, в которых чаще всего он предстает в образе могучего и грозного вождя племени, властолюбца и деспота. Многие моменты его жизни, полной воинской доблести и трагедий, трансформированы в духе фольклорной гиперболизации.

По преданиям, Тыгын (Дыгын) является внуком Эллэя, т.е. он выходец из знатного рода, занявшего главенствующее положение среди других якутских родов. Тыгын рождается с тремя золотыми волосами на темени. Это, по предсказанию Эллэя, знак того, что вместо внезапно умершего тыына (дыхания, т.е. души) сына Эллэя (отца Тыгына) появился новый тыын, и его назвали Тыгином (текст 3, блок 20). По другому преданию, Тыгын в возрасте шести лет, подняв копье острием вверх, обратился к грозному небожителю Улуу Тойону, который создал его, с просьбой ниспослать ему кровавый символ духа войны и кровопролития. В ответ на это на самом острие копья появился сгусток крови. Таким образом, он свыше был назначен стать военным вождем.

Время Тыгына (Дыгына) в народной памяти осталось как кыргыз уйэтэ — век битв, век войн. И действительно, в преданиях он, глава самого могущественного якутского рода кангаласцев, ведет борьбу с хоринцами, нахарцами, намцами и другими родами. Причинами нападений Тыгына на чужие роды служили: похищение дочери Тыгына чужеродцами, поход Тыгына за полюбившейся женщиной, поход Тыгына против прославившихся силачей, месть за отделение (побег) от его рода и за стремление к самостоятельности малой семьи (текст 6). Эти конфликтные ситуации перекликаются с конфликтами, на которых строится сюжет героического эпоса олонхо о родоначальниках племени: похищение сестер богатырей айыы аймага, героический поход за невестой. Большое место в преданиях о Тыгыне (Дыгыне) Тойоне занимает мотив поединков и состязаний ради прославления своего племени. Тыгын, могущественный вождь кангаласцев, не терпит соперничества, он и его люди всегда должны быть первыми и в поединках, и в спортивных играх. Тыгын часто приглашает чужеродцев и устраивает ысыах, где организуются состязания в силе, ловкости, беге и прыжках.

Тыгын в преданиях показан мстительным и коварным вождем, властолюбивым и жестоким человеком. Он даже в своем роду не терпит людей, превосходящих его силой или иными качествами. Так, Тыгын умерщвляет своего сына, родившегося с роговым покрытием, усмотрев в нем богатыря, более сильного, чем он сам. Им убит ребенок, родившийся с золотыми серьгами — знаком власти над людьми (вариант 6). Могущественный предводитель кангаласского рода Тыгын (Дыгын) в преданиях часто называется тойоном (господином, владыкой), властелином, якутским царем. Мать могучего богатыря Бэрт Хара, увидев, что ее сын готовится вступить в битву с Тыгином, уговаривает его уклониться от поединка с человеком, предназначена быть властелином самим божеством.

Образ Тыгына в преданиях — это, с одной стороны, образ сильного вождя, пытавшегося объединить под своей властью разрозненные, враждующие между собой якутские племена в первой половине XVII в., с другой стороны, он деспот для своего рода и захватчик для соседних родов, не гнушающийся самых жестоких и коварных средств для достижения своей цели.

В преданиях отмечается, что, осуществляя свои намерения, Тыгын забирал себе богатство, скот и рабов побежденных им родов, племен и даже отдельных личных хозяйств. Грабительские нападения Тыгына на соседей привели к подчинению ему отдельных родов и племен.

Предания запечатлели формирование наследственной знати в лице сыновей Тыгына, которые продолжали завоевательные традиции своего отца. Эти сюжеты соответствуют содержанию исторических документов. С.А Токарев цитировал сообщение атамана Галкина (1634 г.), где говорится о сыновьях Тыгына, которые "всею землею владеют, и иные многие князцы их боятся".

Для полного понимания военных походов Тыгына и других тойонов Якутского края того времени, продолжавшейся до вхождения Якутии в состав России, необходимо учесть особенности патриархально-родового уклада жизни племен той далекой эпохи.

Исторические источники и предания одинаково подчеркивают, что в XVII в., к приходу русских на среднюю Лену, аборигенные племена находились на стадии развитого патриархально-родового строя, но у них все еще господствовал родоплеменной уклад жизни, при котором семейно-родственные группы и зависимые от них рабы ("холопы", "вскормленники") составляли большую патриархальную семью. Во главе стоял тойон.

В преданиях отражен продолжавшийся в XVII в. процесс образования малых семей, их отделения от больших патриархальных семей. В одном предании говорится, что Батас Мёндюкээн с женой убегают от Тыгына, боясь расправы. Этот сюжет соответствует исторической действительности того времени. С.А Токарев писал, что случаи побегов рабов далеко не единичные, только по известным ему документам удалось насчитать 45 таких случаев.

Изображение в преданиях жизни семей бедняков Бэрт Хара, Чорбогора Баатыра (тексты 5, 6), "кормящих себя охотой на диких зверей и уток", в целом связано с появлением нового слоя в социальной структуре племен, населявших среднюю Лену в те времена. Это — разорившаяся в результате грабительских тойонских набегов часть населения, которая также складывалась в независимую от патриархальной отдельную семью.

Нужно отметить, что в изображении отношений малой семьи к большой патриархальной семье в преданиях и исторических документах имеются расхождения, обусловленные спецификой фольклорной идеализации. Известна хорошо аргументированная научная гипотеза, по которой в XVII в., к приходу русских в этот край, у аборигенных племен малые семьи были самостоятельными хозяйственными ячейками. Между двумя этими типами семей сохранялись слабые экономические связи. Вместе с тем родственные семьи спланивались и объединялись во время военных столкновений, образуя большую патриархальную семью. Именно это обстоятельство получило отражение в преданиях о Тыгыне, который показан как военный вождь, стоявший во главе своего племени. Видимо, по этой же причине рабы Тыгына чаще всего изображены как смелые и сильные дружинники, а не рабы-прислужники, введения об их собственности и оплате тойонами их труда в преданиях четко не зафиксированы. Встречаются лишь отдельные сюжетные мотивы, например, о том, как Батас Мёндюкээн за одно содержание устраивается парнем-помощником у Тыгына. Этот фольклорный факт в какой-то мере отражает появление классов и ранних форм эксплуатации в якутском обществе.

В преданиях о первопредках сказано, что Элэй указывал своим сыновьям места для поселения с хорошими охотничьими угодьями, с удобными для разведения скота условиями, что свидетельствует о зарождении наследственной частной земельной собственности. Судя по преданиям, во времена Тыгына захват земель лишь сопутствовал его воинственной политике. Как военный вождь племен, он прежде всего стремился подчинить своему влиянию новые племена и роды. Слабое отражение в этих преданиях борьбы за землю можно объяснить отсутствием в те времена частной земельной собственности и права ее наследования.

В преданиях этого цикла нельзя не заметить отголосков глухой борьбы, которая шла между рабами и тойонами. Имеются рассказы о непримиримой вражде бедняка Бэрт Хара с Тыгыном. По некоторым преданиям, Тыгын, боясь сыновей старухи Кютюр Эмээхсин, переселился на новое место, около оз. Мюрю. Здесь симпатии рассказчиков на стороне обижаемых и унижаемых.

В преданиях о Тыгыне отозвались события, связанные с вхождением Якутии в состав Российского государства. В них рассказывается о том, как Тыгын вел борьбу с русскими казаками (хотя она и была непродолжительной).

Исторические документы, опубликованные С.А. Токаревым, на наш взгляд, дают возможность понять истинный смысл и характер событий, связанных с взаимоотношениями между Тыгыном и отрядом русских казаков. Например, атаман Иван Галкин в своей челобитной так описывает свое столкновение с якутским тойоном в 1631 г. - "Да тех же, государь, якольских людей князец Тынина да князец Бойдон живут на реке Лене и с нами, холопями твоими, дрались по вся дни и твоего государева ясаку нам не дали, и нас, государь, холопей твоих, не хотели из своей земли выпустить. А нас, государь _ было немного. А как, государь, будет ходить из Енисейского острогу по многу служилых людей, и тех немирных князцев умирить мочно_". Этот документ свидетельствует о столкновениях между якутскими тойонами и царскими холопами, приехавшими обложить ясаком местное население. Якутские тойоны, в частности, Тыгын, в этой борьбе преследовали только свои корыстные цели, желая стать полновластными хозяевами края. Но и царские холопы, как видно из челобитной, ратовали за установление платежных порядков царского правительства на этой отдаленной окраине. Таким образом, отдельные стычки, имевшие место в период вхождения Якутии в состав России, по существу, являлись борьбой между представителями господствующих классов за установление своих порядков в далеком Ленском крае.

В борьбу против пришлых царских отрядов вступили в основном патриархальные роды во главе с тойонами, которые также являлись организаторами антиясачных восстаний, происходивших вплоть до второй половины XVII в.

В преданиях среди оказывающих сопротивление пришлым казакам фигурирует лишь Тыгын с его военной дружиной. При этом почти не упоминаются имена других храбрых дружинников и не рассказывается об их подвигах.

В цикле преданий о Тыгыне, как видно из вышеизложенного, отражены вехи одного из ранних этапов истории народов Якутии. Выделение подовой знати и семьи в качестве основной хозяйственной ячейки, патриархальное рабство, начало

формирования наследственной собственности, подчинение военным вождям новых родов и племен, зачаточные формы классовой борьбы — все это, нашедшее отражение в преданиях о Тыгыне, свидетельствует о наличии в жизни якутов эпохи присоединения Ленского края к России основных черт развитого патриархально-родового общества, идущего к раннеклассовым отношениям.

Народ с ненавистью рассказывал о диком произволе отдельных богачей, таких как Додор, Чохороон и другие.

В сюжетах о стремлении породниться с небожителями, в частности в рассказах о сватовстве Кудангсы и Дьалагая Киилээна к демоническим девам из Верхнего мира, в мифологическом ключе раскрыто своеволие родовых владык.

Богачам, отличающимся алчностью и жестокостью, противопоставлены простые люди, трудолюбивые, смелые, отстаивающие свою независимость.

Репертуар мифов якутов состоял из следующих основных групп: 1) о верховных божествах и божествах-спасителях; 2) о злых и добрых духах, обитающих в Верхнем мире, на земле и в Нижнем мире; 3) об окружающей человека природе; 4) о первопредках, родоначальниках якутов; 5) мифы и легенды о шаманах.

Среди верховных божеств, которые известны под общим названием айыы (мн. ч. айыылар), выделяется образ Юрюнг Айыы Тойона — "создателя вселенной и человека, главы небес и остальных богов". Другое его имя — Юрюнг Аар Тойон. В олонхо верховное божество выступает иногда как отец (дед) богатыря-родоначальника людей Среднего мира (якутов). Так, в олонхо М.Н. Ионовой-Андросовой, записанном в 90-х гг. XIX в., Юрюнг Айыы Тойон является прародителем всех айыы — божеств, которых он расселяет в Верхнем мире, и иччи — Аухов-хозяев, поселенных им в Среднем мире. Самых младших из своих сыновей и дочерей божество тоже опускает в Средний мир на постоянное жительство. Эти-то младшие дети Юрюнг Айыы Тойона становятся первопредками людей (айыы аймага), частью которых и является Ураангхай саха, т.е. якуты. А айыы (божества) и иччи (духи-хозяева) верховным божеством наделяются функциями покровителей ураангай саха. Божество-небожитель Кюрюё Джёсёгёй Айыы одаривает людей лошадьми, Айыысыт и Иэйэхсит являются покровительницами женщин-рожениц, а Иэйиэхсит — покровительницей избранных людей.

Во многих олонхо, сказках и преданиях божества-небожители не имеют такой тесной родственной связи. Каждое божество выполняет свою определенную функцию, и в его действия не вмешивается Юрюнг Айыы Тойон. Так, нельзя изменить человеческую судьбу, определенную при рождении человека божествами Дьылга Хааном и Чынгыс Хааном.

В сюжетах олонхо даритель лошадей Кюрюё Джёсёгёй Айыы по просьбе богатырей спускает на землю предназначенных им коней. Юрюнг Айыы Тойону и Джёсёгёй Айыы посвящается кумысный праздник ысыах. По мифам, в древности Джёсёгёй является участником ысыаха в образе белого жеребца.

Богиня-покровительница рожениц Айыысыт — одна из почитаемых божеств. Она внедряет душу ребенка в женщину и присутствует при родах. В ее честь после

благополучных родов устраивается обряд "Проводы Айыысыт" со сложным ритуалом и молениями.

В настоящий том мифы о верховных божествах не включены, так как целостные произведения о них отсутствуют. Мифы о верховных божествах айыы присутствуют как необходимая и обязательная часть в текстах героического эпоса олонхо, сказок, преданий, песен и обрядовой поэзии. Мифология якутов о верховных божествах, по всей вероятности, бытовала в том виде, в каком нам известна догомеровская греческая мифология, т.е. она была неупорядоченной, неясной и "неканонизированной" во многих отношениях, что касалось, например, функций и деятельности верховных божеств.

Более распространены мифы о божествах, близких к тотемным животным и птицам, известных под общим названием тангара (танара — бог). Птицы и животные тангара почитаются якутами не как создатели (творители) людей или предков, от которых те произошли, а как спасители гибнущих предков и родоначальников.

Слайд 5

Необходимо подчеркнуть, что эти произведения имели оригинальную, отличную от других жанров фольклора структуру. Так, якутский миф состоял из трех частей: вначале объяснялось возникновение мифа, затем описывались обряды и действия, обусловленные данным мифом, а в конце отмечалось, какое наказание ждет человека, нарушившего правила, диктуемые мифом. В некоторых случаях миф состоял только из первой части или из первых двух либо третья часть перемещалась в самое начало. В этом случае текст начинался с описания несчастья, которое приключилось с человеком, не верившим в тот или иной миф. Перестановка частей мифа осуществлялась в зависимости от ситуации и среды, в которой рассказывался миф. Имея чисто практическое назначение, миф у якутов, как правило, излагался лишь тогда, когда нужно объяснить одному или нескольким собеседникам непонятное для них явление, доказать необходимость проведения какого-либо обряда. Уместно здесь напомнить о том, что якутские мифы, как и мифы их народов, "были не только образным выражением религиозной мысли, но и готовыми формулами поэтического творчества, плодившими новые образы и обобщения".

Мифы о птицах и зверях — спасателях прародителей порождены трудными условиями местожительства якутов, их борьбой за выживание и самоутверждение.

Анализ якутских мифов показал, что в ряде текстов птицам приписывались магические способности. Так, орел якобы мог подарить человеку камень счастья, при помощи дятла будто бы можно достать богатырскую траву (Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 17) и т.д.

В якутских мифах о птицах продолжало бытовать древнее по происхождению очеловечивание птиц. В них утверждалось, что птицы, как и люди, делились на отдельные роды и племена, имели своего главу. Наряду с произведениями, в которых птицы уподоблялись людям, у якутов сохранились мифы о превращении людей в птиц. Это печальный миф о парне-табунщике, который украл и съел жеребенка, за что был осужден стать коршуном и летать, издавая крик, напоминающий ржанье

жеребенка". Близок к этому тексту миф о чайке, бывшей раньше девушкой-невестой. Ее просватали за жителя Верхнего мира. Когда свадебный поезд прибыл к родителям жениха, оказалось, что по пути исчез целый кусок масла, который являлся частью подарков невесты. Возмущенные этим, грозные обитатели Верхнего мира прокляли девушку, превратив ее в белую, как якутское масло, чайку, и велели ей всю жизнь искать то масло. Здесь ясно обозначается нравоучительная функция мифа, который не только объяснял поведение птиц, но и регламентировал жизнь коллектива, внушал слушателям этические нормы повседневных взаимоотношений: недопустимость воровства, небрежность в исполнении свадебных обрядов и т.п.

Наличие в якутской мифологии произведений, в которых очеловечивались птицы или рассказывалось о превращении людей в птиц, возможно, было связано с тем, что якуты почти не выделяли себя из природы, находились в постоянной зависимости от стихийных сил, непредсказуемых и необъяснимых капризов сурового климата.

Осознание слитности с окружающим миром отразилось и в мифах, повествующих о способности ряда птиц — орла, лебедя, журавля, ворона и ястреба проклинать людей, мстить им за причиненное горе (Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 26, 50, 72; ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 12 — 12 об.). У якутов можно встретить тотемистические мифы о птицах, предках — покровителях того или иного рода. Наличие древних мифологических образов у относительно молодого этноса обусловлено тем, что его мифология базировалась на духовной культуре предков, память которых сохранила произведения, восходящие к самому раннему этапу истории человечества.

Вот почему у якутов, сложившихся в единый этнос в бассейне средней Лены в X — XV вв. н.э. есть тотемистические мифы. Верующие якуты вплоть до начала XX в. продолжали относиться к тотему как к старшему родственнику, убийство своего тотемного вида птиц приравнивалось к убийству человека, а жены, согласно обычаю, избегали встречи с тотемом рода мужа.

Тотемистические мифы, записанные у якутов в первой половине XX в., несколько видоизменяются. Птицы в них уже не считаются прямыми родственниками людей, а признаются богами, спасшими от гибели основателя рода.

Некоторая часть мифов о птицах сформировалась под воздействием анимистических представлений якутов, связанных с промысловым культом, культом духов-покровителей рода и племени, шаманизмом. Например, среди мифов промыслового культа встречается текст о кроншнепе, который признается родным младшим братом духа-хозяина леса Баая Байаная.

По мифологическим воззрениям якутов, часть почитаемых птиц была создана сверхъестественными существами Верхнего мира или являлась пришельцами оттуда. Так, в мифе о коршуне он назван младшим братом бога Джёсёгёй. Орел же почитался одним из главных богов айыы. От него якобы произошли все орлы и часть якутских родов. В якутских мифах в образе лебедя и орла выступали боги айыы. А в одном из мифов ястреб признавался существом, имеющим происхождение более высокое, чем орел, хотя по якутским верованиям выше Горбоносого орла айыы был лишь глава богов айыы Урун Айыы Тойон.

К комплексу культовых представлений о родовых и племенных духах-покровителях относилось также признание якутами ворона старшим сыном главы злых духов абаасы Верхнего мира Улуу Тойона, поверье о родстве ворона с Улуу Тойоном.

Отнесение якутами орла и ворона к божествам, олицетворяющим различные начала (айыы и абаасы), свидетельствует, возможно, о полиэтничности предков якутов. При этом орел и ворон, очевидно, были тотемами как той части якутов, которая поклонялась божествам айыы, так и другой группы пряякутов, связывавшей свое происхождение со злыми духами Верхнего мира.

Слайд 6

Шаманизм якутов отразился в мифотворчестве о птицах. Например, о ястребе рассказывалось, что он является воплощением юёр (уор) Аграфены — духа, якобы обитающего на острове р. Лены у Жиганска. В одном из мифов о лебеде говорится, что он стал считаться божеством-покровителем после того, как один шаман закрыл головой лебеда выход из Нижнего мира и тем самым преградил дорогу болезням. В ряде якутских мифов утверждается, что духи шаманов появлялись в образах гагары, ворона, кукушки, чайки и мартына.

Из мифов о птицах в том включены мифы об орле, вороне и ястребе, относящиеся к сравнительно позднему пласту якутской мифологии. Устойчивым элементом в них является мотив о птице, спасшей предка рода от смерти. Это и орел, сбивший гуся для умирающего предка рода кангаласцев, это и ворон, принесший огниво предку хоринского рода, когда тот, сломав ногу, умирал от холода и голода. В ряде подобных мифов обожествление тотемов объясняется не кровным родством, а благодеянием, оказанным основателю рода.

Общим местом якутских мифов об орле является перечень обрядов, которые необходимо совершать при встрече с орлом. Примечательно, что в отдельных мифах просматривается трансформация тотемистического обряда под воздействием шаманизма. В мифе об орле утверждается, что человека (род) может защитить от гнева тотема только шаман. Характерным образцом художественного строения мифов такого рода является текст "Божество ворон". В самом его начале повествуется о помощи, которую оказал ворон предку хоринцев, далее следует обоснование того, как хоринцы излечивают кожные болезни, приводится описание обряда лечения со словами заклинания-заговора. К сожалению, последнее редко фиксировалось при записи мифов. Такая композиция рассказа типична для якутской мифологии. Она диктовалась практическим назначением мифа, заключавшемся в утверждении норм обычного права.

Якутские мифы о зверях, так же как и мифы о птицах, носят магический, тотемистический и анимистический характер. Наиболее архаичными из них, по-видимому, являются мифы, объясняющие особенности внешнего облика диких зверей. Рассказываемые живо, с тонкими наблюдениями над живой природой, эти мифы вызывали неизменный интерес у слушателей, а со временем легко трансформировались в сказки о животных. Например, миф о том, почему у горносталя шкура стала белой, а кончик хвоста черным и др. Якуты, как и другие древние охотники, сохраняли веру в способность убитых зверей мстить своим обидчикам.

Причем в первую очередь тех, кто убивал их ради забавы или очень жестоким способом. Эта вера поддерживалась целым рядом мифов, предписывающих уважительное, бережное отношение к объектам промысла и осуждающих тех, кто убивал зверей без особой надобности. Например, в мифе о судьбе людей из рода Маят рассказывалось, что они все погибли от голода после того, как ради потехи сняли шкуру с живого оленя и отпустили его в таком виде.

Слайд 7

В ряде мифов зверям приписывалась способность понимать человеческую речь. В основе таких мифов лежит общесибирский культ умирающего и воскресающего зверя и евразийско-американский пласт медвежьего культа.

В качестве образцов якутских мифов о зверях в том включены мифы о медведе и волке. Миф о превращении женщины в медведя и почитании его как тотема, возможно, не исконно якутский. Он бытовал у урюнейского рода, по происхождению эвенкийского. Мы сочли возможным включить его в том в связи с тем, что он относится к очень древнему общесибирскому пласту мифологии.

В мифе о тотеме-волке снова встречается тот же устойчивый мотив, прослеженный нами в мифах о птицах, — мотив обожествления волка после того, как предки спаслись от голодной смерти благодаря припасам, якобы сделанным волком.

В мифах промыслового культа и шаманизма звери тоже являются действующими лицами. В мифах о духе-хозяине леса, например, звери называются его скотом. В шаманских мифах в образах волков и медведей появляются и борются сами шаманы. В мифах, посвященных культу духов-покровителей рода и племени действуют в основном домашние животные. Например, кони с черными пятнами на холке, которые считались созданными одним из божеств айыы. В мифах о домашних животных отчетливо сохранялись общетюркские мифологические образы, такие, как собака, отпугивающая злых духов; конь, в котором заключено счастье его владельца и т.п..

У якутов сравнительно мало мифов о рыбах и пресмыкающихся. Анализ имеющихся записей показал, что они по структуре и содержанию совпадали с мифами о птицах и животных. В них столь же отчетливо заметна связь с мифологией тюрков Южной Сибири и христианства. Из этой группы якутских мифов в том вошел миф "Рыбы и гады". Он, очевидно, заимствован якутами из христианской мифологии.

Ряд мифов был связан с представлениями человека о светилах (солнце, луне, звездах), атмосферных явлениях и так называемом Верхнем мире, находящемся якобы на небесах. В якутских мифах, так же как и в мифологии тюрко-монгольских народов, распространен сюжет о сиротке-работнице, обиженной хозяевами, которую пожалела и взяла к себе луна; ее силуэт виден теперь на лунном лице. Несколько мифов якутов повествуют о том, что сильную стужу на землю насылают Венера, Плеяды, Малая Медведица.

В большинстве мифов о Верхнем мире повествуется о деятельности сверхъестественных существ, обитающих там. На небе, по мифологическим

воззрениям якутов, жили благодетели-божества айыы и грозные духи абаасы. Главным из айыы признавался Юрюнг Айыы Тойон, а духи Верхнего мира подчинялись Улуу Тойону. Эти мифические существа, как и люди, делились на роды и племена, вели такой же образ жизни, как и все обитатели земли. Божества Верхнего мира будто бы оказывали значительное влияние на ход земной жизни. Бытуют мифы, утверждающие божественность происхождения глав родов и шаманов, их прямую связь с небожителями, и мифы о состязании людей с обитателями Верхнего мира в ловкости и легкости ног, а также в пении.

Группа мифов, отражающая обожествление якутами небесных светил и поклонение сверхъестественным обитателям Верхнего мира, в данном томе начинается с упомянутого выше мифа о девочке на луне. Это типичный образец не религиозного, а фантастического объяснения явлений окружающего мира. Далее в томе помещен миф о поселении в Среднем мире трех небесных девиц. Он тоже содержит ряд эпизодов, носящих фантастический характер. Героини мифа хотя и были похожи на обитателей земли, но ходили, не оставляя следов. Они обладали волшебными чарами: покидая землю, на которой поселились, не только сами исчезли, но и взяли с собой три стены своей юрты.

Слайд 8

Миф "Уот Айах Кудунгса", включенный в том, является одним из вариантов довольно распространенного мифа о неудачных попытках богачей вступить в родственную связь с обитателями Верхнего мира. Такие мифы заканчивались обычно описанием разорения и гибели всей семьи богача. Следует обратить внимание на язык этого цикла мифов. Он близок к языку эпоса, насыщен устойчивыми словосочетаниями. Например, в описании достатка богача: владеющий табунами — едва вмещающимися на лугу; стадами — едва вмещающимися в долине; обладающий белыми и черными пушными зверьями, имеющий многочисленных рабов". Сказитель широко пользовался, как и в эпосе, парными выражениями. Так, в мифе встречаются словосочетания: "когда людей-скота было мало" "то, что айыы и абаасы предназначают для сватовства-женитьбы" еда-пища "сваты-сватья ваши" и т.д. Благодаря употреблению поэтических формул, устойчивых словосочетаний, миф имеет ритмированный склад, стиль повествования возвышенный, близкий к эпическому.

Далее в том включены два произведения, рассказывающие о борьбе с существами, прибывшими из Верхнего мира. В первом мифе земной богатырь терпит поражение в единоборстве с силачом Верхнего мира, который специально спустился на землю для состязания с ним. В другом повествуется о родоначальнике, родившемся у земной женщины от ее связи с небожителем. Он сумел отомстить духам из Верхнего мира, которые "съели" его мальчика. Необходимо отметить, что в якутских мифах чаще именно люди становятся победителями в борьбе с обитателями Верхнего мира.

Следующую, весьма значительную группу мифов составляют произведения, объясняющие происхождение отдельных географических мест и повествующие о духах, якобы живущих на земле.

Топонимические мифы якутов часто давали фантастическое объяснение происхождению гор, рек и озер. В качестве образца таких произведений в том

включен миф о возникновении горы Аграфены. Сюжет его построен на споре трех сестер — менять или не менять направление русла р. Лены. Младшая из сестер отрывает треть горы и уплывает на ней вниз по Лене, а средняя, собираясь уплыть за ней, остановилась по просьбе старшей сестры. Оторванная ею часть горы становится горой на острове.

Ряд якутских мифов утверждает существование духов-хозяев отдельных территорий, владык тайги, гор, озер и т.д. Якуты верили, что благополучная жизнь человека, богатство одних и бедность других во многом зависит от воли этих духов.

Так, в мифе об охотнике и духе-хозяйке горы Аграфены невезение охотника объяснялось тем, что он не принес ей жертвы. Дух-хозяйка горы смилостивилась лишь после того, как принудила парня принести ей в жертву собаку. Нужно заметить, что жертвоприношение собаки совершалось аборигенами Якутии еще в неолите. Возможно, этот обряд перешел к якутам от местных племен, участвовавших в этногенезе якутских народов. По мифологическим представлениям якутов, успех в промысле ставился в прямую зависимость от воли духа охоты Баая Байаная. Изучение традиционных верований тюркоязычных народов Сибири показало, что образ якутского Баая Байаная сложился на южной прародине предков якутов. Это подтверждает миф о встрече молодого охотника с дочерью Баая Байаная. Как и в мифах тюрков Южной Сибири, она приходит на помощь неопытному охотнику, одаряет его своей любовью и наделяет богатой добычей. Интересно, что этот традиционный сюжет зафиксировал освящение права на новые, ранее не принадлежащие данному якутскому роду охотничьи угодья.

Большой страх у якутов вызывали духи, в которых якобы перевоплощались после смерти самоубийцы, сумасшедшие и люди, подвергавшиеся незаслуженному гонению, а также шаманы. Из этой группы мифов в том включены два текста. В зачине первого из них дана характеристика духа Чаада Боллоха, препятствующего охоте. Некогда он был шаманом, и у него украли единственную собаку. После этого он впал в нужду, умер от голода и стал духом Чаадаем Боллохом. В третьей части мифа идет описание того, как Чаадай Боллох мешает охотникам и рыбакам, утверждается, что от его преследования может защитить только шаман. Последний якобы может заставить духа "подарить" свою собаку. Тогда шаман "вселяет" ее в одну из собак охотника, и в финале мифа изложены правила содержания "собаки Чаада". Анализ сюжета показывает, как появлялись вторичные мифы. Произведение, очевидно, создано шаманами по образцу традиционных мифов о блуждающих покойниках и обосновывает введение в промысловый культ новых, шаманских обрядов.

Миф о Бахсы Айыыта, помещенный в том, является типичным образцом повествований о людях, умерших неестественной смертью и ставших духами, насылающими болезни.

У якутов имелись также мифы о сверхъестественных обитателях Среднего мира, заимствованные, видимо, в результате этнокультурных контактов с русскими. Так, после присоединения Якутии в XVII в. к Российскому государству у якутов появились поверья о духе оспы, "суседках" и сюллюкюнах. В мифах рассказывалось, что дух оспы ходит по Якутии в образе русской женщины, и семьи, которые она посетит, заболевают оспой. С образом "суседок" русского фольклора совпадал образ невидимых существ, которые якобы поселялись вместе с людьми. Один из таких

мифов имеется в томе (текст 47). От русских старожилов Сибири якуты заимствовали представления о скуллюкюнах, очень богатых существах, обитающих под водой и появляющихся на земле лишь под Новый год. По поверью, от скуллюкюнов будто бы можно было получить несметные богатства. Они якобы могли предсказать и судьбу человека. В том включены два образца этой группы якутских мифов.

Слайд 9

Наиболее опасными существами, несущими людям болезни и смерть, по верованиям якутов, являлись злые духи, которые прибывают на землю из мифического подземного мира. С ними, как утверждалось, могли справиться только шаманы, и лишь они знали мифы об обитателях Нижнего мира. Эти сюжеты были профессиональной тайной шаманок. Правда, содержание данных мифов шаманы излагали в своих гимнах и заклинаниях. В них они описывали страшный вид духов, указывали на болезни, которые они насылают, на жертвы, которых они ждут. Хотя шаманы всячески запугивали рядовых верующих, якуты все же сохранили мифы о посещении Нижнего мира обычными людьми. Один образец подобного произведения включен в наш том. В нем повествуется, как страшны жители Нижнего мира, страна их предстает очень неблагоустроенным местом. Но обитатели этого мира ведут образ жизни, подобный земному.

Согласно мифу, человек, попавший из Среднего мира в Нижний, становится невидимым и неслышимым для рядовых его обитателей. Все, к кому он прикасается, заболевают. Незваного пришельца будто бы возвращал обратно шаман Нижнего мира. Подобные мифы имеются в мифологии тюркоязычных народов Сибири. Поэтому можно предположить, что он унаследован якутами от древних тюрков .

Особую группу мифов якутов составляли мифы о первопредках и основателях отдельных родов. Данная группа произведений формировалась путем сакрализации части исторических преданий и легенд. В связи с тем, что эти мифы входят в единые циклы произведений устного народного творчества, состоящие из взаимосвязанных мифов, преданий и легенд, мы сочли необходимым опубликовать их в первом разделе (тексты 1, 2, 3).

В ряде якутских мифов утверждается, что судьба человека predetermined божествами, и он не в силах ее изменить. Таким образом, якутские традиционные верования затуманивали сознание людей, сдерживали попытки социального протеста. Примером, подтверждающим идею неизбежности рока, является миф "Предназначение", включенный в том.

Слайд 10

Относительно позднюю группу якутских мифов составляли мифы и легенды о шаманах. Они обосновывали право шаманов руководить религиозной жизнью. В мифах утверждалось, что шаманы являются избранниками духов, которые "воспитали" их. Шаманам дано знать "истину" о событиях прошлого и настоящего, предвидеть будущее. В ряде сюжетов описывались действия шаманских духов-помощников, волшебные предметы шаманов: костюмы, бубны, невидимые самострелы и т.п. Якутские легенды о шаманах убеждали верующих в том, что они могли, с одной стороны, защищать людей от козней злых духов, с другой — сами

могли насылать несчастья, болезни и смерть тем, кто их обидел или просто им не понравился. Но все же, по якутским верованиям, шаманы не были всемогущими. Считалось, что они не могут одолеть тех людей, у которых сильные духи-покровители. Более того, в легендах подчеркивалось, что простые люди иногда могут одержать победу в единоборстве с шаманами.

Значительное место в мифологии якутов занимали сюжеты о борьбе шаманов друг с другом и о деяниях умерших шаманок. В них описывались чудесные способности шаманов, тем самым утверждалось, что шаманы обладают сверхъестественными качествами и могут служить посредниками между людьми и различными духами и божествами. В том включены три легенды подобного рода. В первой из них художественно выразительно рассказывается о том, как воспитывались великие шаманы.

Следующий текст повествует о том, как болели будущие шаманы и как убеждали окружающих в том, что они обладают даром перевоплощаться в мифических существ. В последней легенде утверждается, что шаманы после смерти могут в определенное время возвращаться в мир людей и жить так же, как они жили раньше. При этом якобы вместе с ними снова появлялась их давно разрушившаяся юрта и постройки вокруг нее. Когда наступает время их ухода — все разом исчезает.

С развитием общества, приобретением трудового опыта и знаний людьми мифы угасают, начинают бытовать в иной форме. Отдельные сюжеты, мотивы, мифологические персонажи встречаются в других жанрах фольклора: олонхо, сказках, легендах и преданиях, а также в афористической поэзии.

Как видно из вышеизложенного, в мифах, легендах и преданиях интерпретированы основные вехи ранней истории якутского народа. В их сюжетах и образах мы находим элементы раннего представления человека об окружающем мире, этические нормы поведения и житейские правила. Эти жанры якутского фольклора в наше время уже не функционируют в "чистом" виде. Мифы изменили свою форму бытования, они "растворились" в других жанрах фольклора. Легенды и предания, в которых в образной и яркой форме отражены различные факты и события из жизни народа, бытуют самостоятельно. И все они обретают новую жизнь в литературе и искусстве.

Предания, легенды и мифы — это историческая память народа о своем прошлом, вместе с тем это и рассказы о случившемся недавно. Г.У. Эргис отметил, что окружающая действительность, исторические события, достопримечательные явления жизни давали богатый материал для возникновения устных рассказов. Академик А.Н. Окладников характеризует якутские предания как "взволнованный и живой рассказ очевидцев или даже прямых участников событий, дошедших до нас в столь же устной передаче от поколения к поколению, от прадеда к деду, от деда к отцу и от отца к сыну, а чаще всего от деда или бабушки к внуку, от прославленного старика-сказителя к его молодым слушателям" [Там же]. Устные предания и рассказы о прошлом, о недавних событиях, легенды о шаманах и чудесных явлениях, связанных с верованиями, мифы якутов можно назвать, в отличие от олонхо, сказок и песен, массовыми произведениями, которые мог рассказывать любой знаток. Но среди них выделялись замечательные мастера-рассказчики. Такими знатоками

старины были знаменитые олонхосуты-певцы Е.М. Егоров — Миинэ Уола (Таттинский р-н), Д.М. Говоров, Р.П. Алексеев (Усть-Алданский р-н), Е.Х. Горохов (Верхоянский р-н), И.И. Бурнашев — Тонг Суорун (Мегино-Кангаласский р-н). Были и мастерские исполнители преданий и рассказов, такие как И.Н. Николаев — Угалды и И.А. Алексеев из Нюрбинского р-на.

Настоящий том состоит из 56 образцов преданий, легенд и мифов, из них 41 публикуются впервые. В первую часть тома "Исторические предания и рассказы" включены три версии из цикла преданий о первопредках якутов, шесть преданий о Тыгыне Тойоне, центральном образе родоначальников периода разложения патриархально-родовых отношений накануне присоединения Якутии к Российскому государству, и три предания, характеризующие быт и нравы родоначальников после присоединения Якутии к России. Вторая часть тома посвящена мифам и легендам.

К тому приложены примечания, комментарии, указатели и словарь. В комментариях, кроме объяснения текста и перевода, приведены варианты и версии преданий, легенд и мифов, включенных в том, что дает богатые сведения и справочный материал для тех, кто пожелает глубоко и всесторонне изучить якутские предания, легенды и мифы. В составлении указателей принимала участие Е.Н. Кузьмина. Составители благодарят за помощь в подготовке тома А.Л. Новгородову и Л.Ф. Рожину, а также В.В. Илларионова за сверку национального текста.